Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области[1]

К.В. Аверкиева

Аверкиева Ксения Васильевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, 119017, Старомонетный пер., 29, xsenics@yandex.ru

Статья посвящена анализу социально-экономического уклада Тарногского района Вологодской области, отличающегося периферийным положением как в пределах Европейской России, так и в составе своего региона. Его особые черты — невысокие на фоне других районов Нечерноземья темпы убыли населения и рост показателей экономического развития — не укладываются в принятую в социальных и экономических науках центрально-периферийную логику организации освоенного пространства. На территории района развивается деревообработка, производится широкий ассортимент сложных изделий. Одновременно в районе функционируют 11 сельскохозяйственных предприятий и молокозавод, ежегодно увеличивающий объемы производства, что в периферийном Нечерноземье встречается нечасто. Причины этого кроются как в разумных мерах региональной политики в лесном и сельском хозяйстве, так и в личностных качествах жителей района, их социальном капитале. В статье показано, как долговременная территориальная изоляция в сочетании с продолжительной историей хозяйственного освоения территории (староосвоенности) сформировали жизнеспособную в современных условиях социально-экономическую систему. Также, вероятно, на формирование и сохранение тесных социальных связей повлияла «кустовая» (также называемая «гнездовой») форма сельского расселения, когда сельские населенные пункты располагаются «кустами», по 10–15 деревень, в пешей доступности друг от друга, а сами «кусты» отделены друг от друга обширными лесными массивами.

Ключевые слова: сельская местность, периферия, староосвоенная территория, сельское хозяйство, лесное хозяйство, социальный капитал

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-86-106

Тема центрально-периферийных контрастов в социально-экономическом развитии территорий, особенно сельских, многократно рассматривалась в научных трудах географов, экономистов и социологов. С учетом нарастающей сверхцентрализации во всех сферах организации жизни в современной России (Зубаревич, 2014)

1. Исследование выполнено в рамках программы Президиума РАН П13 «Пространственное развитие России: природа, общество и их взаимодействие» Проект 3.5. «Пространственное развитие агропромышленного комплекса и сельская местность России: новые вызовы и ответы».

ось центр–периферия становится ключевой в объяснении территориальных диспропорций большинства показателей и процессов. Близость к федеральному или хотя бы региональному центру предопределяет динамику населения, стабильность экономической базы, привлекательность для инвестиций. Периферийные территории оказываются заведомо обречены на депопуляцию и сжатие освоенного пространства.

Такая полярная картина не раскрывает всей полноты территориальных различий в развитии сельских территорий. Даже доработанная В.Л. Каганским (Каганский, 2012) за счет введения понятия внутренней периферии и разграничения понятий периферии и приграничных территорий концепция все равно дает довольно грубую картину. Исследования сельских территорий показывают, что помимо центрально-периферийных контрастов развитие сельской местности определяет также положение сел на осях «север–юг» (север заведомо проигрывает югу) и этнический состав населения (Нефедова, 2012). Но и в этом случае не все территории укладываются в предложенную учеными логику.

Встречаются территории, отличающиеся периферийным положением (и, по Л. Каганскому, находящиеся на классической внутренней периферии), удаленные от плодородного Черноземья и Юга, в целом с исторически сложившимся русским населением, но не переживающие фатальной депопуляции и не испытывающие необратимых процессов сжатия пространства. Пример жизнеспособной внутренней периферии можно наблюдать в Костромской области (Аверкиева, 2011). В этом случае не последнюю роль в развитии территории сыграли природные условия, т. к. расположенные на лессовых отложениях почвы отличались повышенным плодородием и способствовали более плотному заселению территорий. Другой фактор, влияние которого почти не исследуется в современной науке, — это продолжительность времени освоения.

Феномен староосвоенности географами (как и демографами, социологами и экономистами) предметно не рассматривается: зачастую староосвоенные регионы выделяются в противопоставлении районам нового освоения, их упоминание связано с желанием обобщенно назвать отдельные регионы Европейской части России (Мкртчян, Карачурина, 2006; Максимова, 2016) или подчеркнуть продолжительную историю хозяйственного освоения отдельного региона (Баринов, 2007; Манаков, 2014). К ним относят практически все области Европейской части России, часть регионов Урала и даже юга Сибири (Географические проблемы..., 2017). Практически не выделяются староосвоенные территории в пределах регионов и даже отдельных районов, хотя для местного населения и местных властей продолжительность проживания на определенных местах важна. Так, власти староосвоенного Кологривского района Костромской области в ходе интервью четко разделяют деревни, исторически расположенные на территории района, со ста-

рым и давно сформировавшимся населением, и лесозаготовительные поселки послевоенного времени, заселенные одновременно жителями разных территорий. Чаще всего высказываются мнения, что жители лесных поселков отличаются иждивенческой позицией, не планируют самостоятельно обустраивать свои дома, участки и поселок в целом, не питают любви к малой родине. Говорить о том, что жители исторических деревень всегда отличаются противоположными качествами, было бы слишком смело, исследований по этим вопросам очень мало.

Вопросами староосвоенности скорее занимаются историки. Так, истории вологодского крестьянства и деревень посвящены работы вологодского историка П.А. Колесникова (Колесников, 1976, 1993). Среди географов вопросами староосвоенности занимается М.Н. Куница, обратившая внимание на эволюцию сети сельского расселения Брянской области (Куница, 2012, 2017), и А.Г. Манаков, изучающий Псковскую область в рамках исторической географии (Манаков, 2015). Работ, сопоставляющих продолжительность освоения территории и современные социально-экономические процессы, практически нет.

В рамках проведенного нами исследования анализируется постсоветское развитие одного из районов Вологодской области, Тарногского. Его нетипичный для периферийного Нечерноземья путь развития отчасти объясняется общими институциональными условиями, сложившимися в Вологодской области, которые рассматриваются отдельно.

Вологодская область: особенности сельского расселения и региональные условия ведения хозяйства

Вологодская область, с одной стороны, известна как довольно успешный регион с несколькими крупными промышленными предприятиями (в первую очередь комплексом производств в Череповце и соседней Шексне) и крепким АПК[2]. С другой стороны, на ее территории происходят типичные для Нечерноземья процессы депопуляции и сжатия освоенного пространства. Но эти негативные процессы идут не так активно, как в соседних областях, а опыт отдельных районов заслуживает пристального внимания.

Территорию Вологодской области трудно назвать однородной, что было бы странно ожидать от региона с такой обширной территорией. Экономическое районирование советского периода относит область к Северу, в современной сетке федеральных округов она входит в состав Северо-Западного федерального округа, также она входит в более обширное и не очень четко определяемое наукой Нечерноземье, является ядром культурного района Русский

2. АПК — агропромышленный комплекс.

Север — все это усложняет восприятие области как единой территории и проведение каких бы то ни было сравнений.

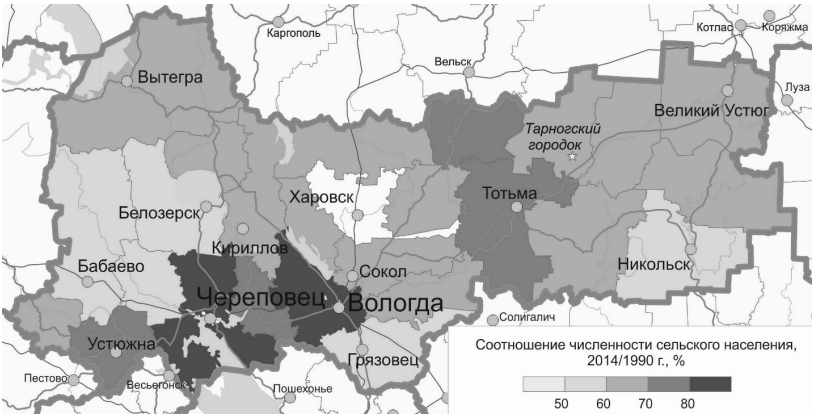
Если рассматривать область в целом, то с соседними регионами ее объединяет ряд черт. В первую очередь — негативная динамика численности населения и его территориальное перераспределение, проявляющееся в стягивании жителей к крупным городам и локальным центрам и депопуляции сельской периферии (Карачурина, Мкртчян, 2016). За постсоветский период (1991–2015 гг.) область потеряла 161 тыс. человек, или 12% населения, что в относительном выражении не так много по сравнению с утратой 1/4 населения в соседней Архангельской и 1/5 — в Тверской и Ивановской областях. В Вологодской области население удерживают два крупных города — Вологда и Череповец, при этом сельское население сокращается в не меньшем, чем в соседних областях, темпе. За постсоветский период численность сельских жителей сократилась на 28%, что несколько меньше, чем в Архангельской, Псковской (37%) и Тверской (31%) областях.

Динамика численности сельского населения в Вологодской области территориально дифференцирована (рис. 1). В первую очередь выделяются относительно стабильные по численности населения пригородные (Вологодский и Череповецкий), а также расположенный между ними Шекснинский район, где благодаря особой экономической зоне создаются новые производства и проводится политика по привлечению населения. В остальных районах наблюдается характерная для всего Нечерноземья депопуляция, но темпы ее различны.

Помимо центрально-периферийных различий и даже принадлежности отдельных районов к выделенным М.М. Пановым (Панов, 2015) типам местностей Вологодской области на территориальной дифференциации темпов убыли сельского населения в постсоветский период сказываются и другие факторы. Среди них — рисунок сельского расселения. При обилии публикаций географов, посвященных вопросам сельского расселения, работ о влиянии определенных типов расселения, его рисунка на динамику социально-экономических процессов чрезвычайно мало (Галин, 2015), анализ чаще сводится к описанию общих процессов поляризации сельской местности и последующего упадка периферии.

Наибольшая убыль наблюдается в западных, сильно заболоченных районах (Бабаевском, Белозерском) с мелкоселенным сельским расселением, а также в Грязовецком районе, расположенном на трассе М8, где сказывается близость к Вологде и относительная близость к Ярославлю, которая в данном случае усиливает миграционный отток. Эти районы за постсоветский период потеряли от 40 до 50% сельских жителей. Также большие потери населения характерны для Харовского района, где представлены различные виды сельского расселения, и истинно периферийного Никольского, удаленного от всех региональных центров более чем на 500 км.

Рис. 1. **Динамика сельского населения по районам Вологодской области, 2014 г., в % к численности населения 1990 г.**

Составлен автором по данным статистических сборников «Города и районы Вологодской области» за 2007 и 2016 гг.

Уникальность системы сельского расселения Вологодской и отчасти юга Архангельской области состоит в распространении «кустового» (крупноочагового по С.А. Ковалеву (Ковалев, 2003) или «гнездового» по М.В. Витову (Витов, 1955)) сельского расселения на севере и в восточной части области, в «лесных районах старинного освоения» (Солдатова, 2010). Относительно небольшие (чаще в пределах 200 человек) населенные пункты группируются на безлесных участках, формируя своеобразные «кусты», чаще всего в долинах рек. Каждый «куст» включает в себя несколько (иногда более десяти) населенных пунктов, которые в пределах «куста» расположены, как правило, в пешей доступности. По среднему размеру населенных пунктов районы с «кустовым» расселением статистически мало отличаются от районов с мелкоселенным расселением, поскольку людность каждого населенного пункта остается небольшой. Но на местности каждый «куст» функционирует как единое крупное поселение, сближая территорию с районами со средне- и крупноселенным расселением, более устойчивыми в меняющихся условиях.

Из-за продолжительной истории освоения и тесных культурных и неформальных связей многие населенные пункты в сельских «кустах» имеют сразу несколько названий — как минимум официальное и народное. И даже официальные названия порой не совпадают на разных картах (с этой же проблемой сталкивалась Т.Г. Нефедова, изучая сельские «кусты» в окрестностях Каргополя в Архангельской области (Нефедова, 2004)). В Заборском сельском поселении Тарногского района из-за такой путаницы были специально изготовлены таблички с названиями деревень, чтобы переписчики могли ориентироваться при переписи населения 2010 года. Названия «кустов»

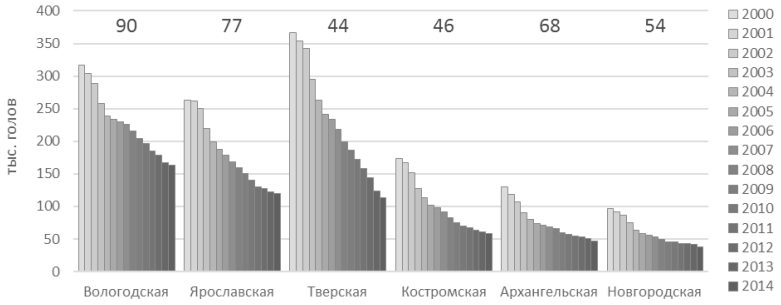
зачастую не совпадают ни с центральными населенными пунктами, ни с наиболее крупными, ни с наиболее древними. Так, Вожбальский «куст» в Тотемском районе — это «куст» деревень с центром в д. Кудринская, а населенного пункта Вожбал как такового не существует. Финно-угорские корни в названиях многих «кустов», вероятно, признак их древности, есть версия, что они унаследованы от времени дославянского освоения этой территории (Солдатова, 2010).

Районы с «кустовым» расселением (подробно рассматриваемый ниже Тарногский, а также Тотемский, отчасти Верховажский и Нюксенский) отличаются не столь высокими темпами убыли населения, как остальные, не считая пригородных. Меньшие темпы определяются здесь не только спецификой сельского расселения, но и глубинным положением районов. Автомобильная трасса, соединившая Вологду и Великий Устюг (продолжающаяся до границы с Архангельской областью), была построена лишь в 1980-х годах. До этого основное сообщение происходило или по рекам, или с помощью малой авиации, также существовали локальные выходы к Котласской ветке Северной железной дороги. Именно такая транспортная удаленность вкупе с «кустовым» расселением позволила на какое-то время отсрочить процессы сельской депопуляции, и в постсоветское время эти районы потеряли относительно меньшее количество жителей.

Транспортная изоляция тем не менее не препятствовала развитию сельскохозяйственного производства, до сих пор в районах с «кустовым» расселением сохраняется сельское хозяйство (в том числе такие уходящие из Нечерноземья отрасли, как льноводство — в Верховажском районе в конце 2000-х годов даже был построен новый льнозавод), показатели продуктивности молочного животноводства в этих районах уже превышают среднероссийские (свыше 5000 кг на 1 корову в год), а отдельные хозяйства не уступают пригородным вологодским.

Аграрная сфера, в особенности молочное хозяйство, в Вологодской области развиты как нигде в Нечерноземье. По надоям молока она опережает все российские регионы (что не удивительно в силу ее исторической и географической специализации), среднеобластные показатели превышают 6000 кг на 1 корову в год, отмечается устойчивый рост надоев. От других регионов Нечерноземья молочное хозяйство области отличает также абсолютное доминирование коллективных форм организации АПК. Доля молока, произведенного в сельхозпредприятиях, составляет 88%, на ЛПХ приходится лишь 7%, в то время как в соседних Тверской и Новгородской областях эти показатели составляют 60–70% и 20–25% соответственно. Динамика изменений поголовья скота и производства молока в Вологодской области также отличается от других регионов Нечерноземья (рис. 2). По сравнению с 2000 годом поголовье в 2014 году составило 51% (в соседних регионах — 37–40%), а производство молока сократилось всего на 10%, хотя в других регионах — на 40–50%.

Рис. 2. **Динамика поголовья крупного рогатого скота и производства молока (число над столбцами показывает процент объема производства молока в 2014 г. относительно объема 2000 г.) в Вологодской и некоторых соседних областях, 2000–2014 гг.**

Источник данных: сборники «Регионы России» (Росстат), 2000–2016 гг.

Феномену вологодского молочного хозяйства посвящен ряд работ (Анищенко, 2015, 2016; Чекавинский, 2015), однако к единому мнению ученые так и не пришли. Обобщая аналитические материалы и экспертные интервью, можно выделить основные факторы развития АПК Вологодской области, отличающие ее от других регионов Нечерноземья.

- Относительно небольшой уровень дотационности регионального бюджета позволял региональным властям выстраивать систему мер поддержки областного АПК на протяжении последних 15 лет, что стимулировало многие хозяйства сохранять сельскохозяйственное производство.
- Емкий местный рынок (благодаря наличию двух крупных городов) и возможность выхода как на рынки Москвы и Санкт-Петербурга (исторический бренд вологодской молочной продукции и большие объемы местного производства позволяют вологодской продукции заходить в столичные торговые сети), так и в регионы Севера (промышленные центры Архангельской области, Ненецкого АО, Республики Коми).
- Региональная специфика лесопользования: леса, до принятия Лесного кодекса в 2007 году находившиеся в собственности сельскохозяйственных предприятий («колхозные леса»), были предложены сельскохозяйственным предприятиям в аренду на 49 лет на льготных условиях. Это позволило многим сельскохозяйственным предприятиям сохранить лесозаготовки и небольшую деревообработку, таким образом кредитуя сельское хозяйство.
- Сохранившиеся традиции образования (Сельскохозяйственная академия им. Верещагина).
- Историческая специализация региона на молочном хозяйстве и определенная культура ведения, консерватизм сельских жителей.

Сочетание (возможно, в данном случае уместно понятие «синергия») мер региональной поддержки лесного и сельского хозяйства, сохранившихся вследствие удаленного географического положения и, вероятно, «кустового» расселения, традиций и предприимчивости жителей можно наблюдать в Тарногском районе Вологодской области. В качестве полигона для исследований он был выбран не случайно. Он расположен на востоке Вологодской области в «том редком месте в России, где люди живут с удовольствием» (http://eastofvologda.livejournal.com), на его территории наблюдается «кустовой» рисунок сельского расселения, район относится к староосвоенным территориям. По материалам исследования 1970-х годов (Колесников, 1976; цит. по: Солдатова, 2010: 35), в Тарногском районе в 1973 году насчитывался 241 сельский населенный пункт, упомянутый в исторических источниках XII — первой половины XVII века, что составляет 77% от общего на тот момент числа сельских населенных пунктов. Это второй по величине относительный показатель в Вологодской области (выше доля исторических СНП только в Усть-Кубинском районе, 78%) и не характерная для востока Вологодской области величина, поскольку восточные районы были заселены позже, а также на их территории возникло много послевоенных лесопромышленных поселков. Статистически он выделяется повышенной долей индивидуальных предпринимателей (в 2014 году 37 ИП на 1000 жителей, что в полтора раза выше среднеобластных значений и почти вдвое выше, чем в соседнем Нюксенском районе), большим для подобного сельского района количеством сельскохозяйственных предприятий.

«Когда есть доска за спиной, можно и сельским хозяйством заниматься»

На территории современного Тарногского района сочетаются лесной и агропромышленный комплексы, в последние годы можно говорить о почти симбиотическом их существовании.

В 2016 году на территории Тарногского района действовали около 95 предпринимателей в лесной сфере, 25 из них объединились в ООО «Тарнога-лес»: по условиям нового Лесного кодекса это позволяет им брать большие лесные делянки в долгосрочную аренду. Предприятия чрезвычайно разнообразны: от кустарных лесопилок до мини-заводов, где работают до 100 работников и производится широкий ассортимент пиломатериалов, клееного дерева, мебели. Для местной власти наличие большого количества предприятий с низкой производительностью труда предпочтительнее, чем один-два крупных завода, поскольку они дают населению занятость и удерживают жителей на территории.

«*Пусть некоторые работают вообще как кустари, самозанятые, но это все равно хорошо, иначе начнется либо интенсив-*

ный отток, либо маргинализация населения» (из интервью с советником главы Тарногского района).

Лесной бизнес в районе развивался постепенно, начиная с 1990-х годов, когда весь район был охвачен «стихийным капитализмом», и «*в каждом дворе стоял станок*» (из интервью с советником главы Тарногского района). Жители района объединялись, покупали небольшие грузовики, чтобы возить пиломатериалы в Москву. По мнению одного из деревообработчиков, современный строительный рынок на пересечении Ярославского шоссе и МКАД вырос именно из стихийной торговли, организованной тарножанами. Постепенно рынок стал более конкурентным, рентабельность начала падать, возить простые пиломатериалы оказалось невыгодно, и в районе стала развиваться более глубокая деревообработка. Казалось бы, относительная близость фанерного комбината под Великим Устюгом (180 км) или Котласского ЦБК в Коряжме (240 км) могла бы привести к ориентации на лес-кругляк, но это оказалось менее выгодно, чем возить более сложные пиломатериалы в Москву. Постепенно в районе сформировалось несколько моделей ведения лесного бизнеса:

1. кустарная деревообработка для местного рынка с минимальной рентабельностью;
2. производство широкого ассортимента пиломатериалов и сложных изделий (ступени, мебельный щит и т. п.) с гибкой системой контрагентов;
3. узкая специализация производства и высокая рентабельность за счет больших объемов;
4. переработка отходов деревообработки и специфические рыночные ниши (производство топливных брикетов, подстилки для скота, наполнителей для туалетов для животных).

Для развития лесного бизнеса есть много ограничений, поскольку и лесные ресурсы иссякают, и конкуренция на рынке, особенно в связи с кризисной ситуацией в строительстве в целом, становится все более жесткой. Также остается нерешенной вечная проблема всех лесных регионов: непонятно, что делать с низкосортной древесиной. Очередной виток переговоров об этом на региональном уровне привел к решению о размещении предприятия по переработке низкосортной древесины и отходов деревообработки на западе области, в Шексне, восток Вологодской области заместитель губернатора назвал бесперспективной территорией.

Симбиоз лесного и сельского хозяйства в Нечерноземье существовал много лет. И до революции крестьяне занимались в разные сезоны то сельским хозяйством, то лесозаготовками, и колхозники летом работали в полях, а зимой валили лес и работали на лесопилке. Возможность заготавливать лес и продавать пиломатериалы позволяла оставаться на плаву предприятиям в разных областях, хотя даже такая колхозная диверсификация в начале 2000-х годов далеко не всегда спасала сельхозпредприятия от банкрот-

ства. После принятия Лесного кодекса 2007 года леса, находившиеся в собственности сельскохозяйственных предприятий, были переданы в Гослесфонд (Кузьминов, 2010а). Чтобы заготавливать лес, сельскохозяйственные предприятия оказались вынуждены брать в аренду леса на тех же условиях, что и другие потенциальные лесопользователи. Для закредитованных предприятий эта задача непосильна, особенно если региональные власти еще и завышали плату за древесину на корню, как это произошло в Костромской области, где в 2007 году власти подняли стартовую цену в 7,2 раза (Кузьминов, 2010б). На рисунке 3 видно, что после принятия Лесного кодекса объемы лесозаготовки снизились во всех лесных регионах, но особенно заметным спад был в Костромской и Тверской областях — тех регионах, где было много «колхозных» лесов и где региональная тарифная политика не позволила сельхозпредприятиям арендовать лесные участки.

В Вологодской области благодаря льготным условиям большинство сельскохозяйственных предприятий сохранили лесозаготовки. Однако не всегда это способствовало укреплению хозяйств и развитию аграрного производства. По выражению фермера из Бабаевского района, «лесная деньга глаза застилала» — возможность существовать только за счет леса лишала руководство сельхозпредприятий стимула к модернизации непосредственно сельскохозяйственного производства.

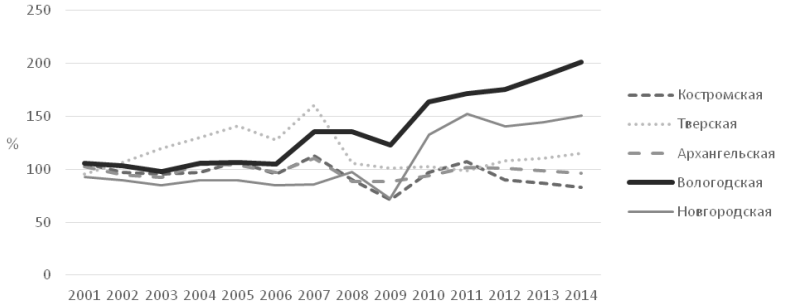
В Тарногском районе в середине 2000-х годов обострилась проблема спада сельхозпроизводства, хотя в районе еще оставались энтузиасты, готовые работать в АПК. Тем не менее многие предприятия стали сокращать объемы производства, сохраняя лишь лесосеку. Ситуацию изменило вмешательство главы района, который решил «пристегнуть сельское хозяйство к лесопереработчикам».

«*А как не вмешаться? Например, Верхний Спас: оставалось 2 доярки, все коровы тонут в навозе, пилорама стоит, а лес продается на корню. Руководителя такое положение дел устраивало — он лесом торговал и больше ничего не хотел. Поскольку форма все-таки СПК, то я инициировал собрание пайщиков, проводили голосование, требовали менять руководителей. В итоге 70% руководителей удалось сменить, а остальные сами заработали*» (из интервью с главой Тарногского района).

В настоящее время в Тарногском районе функционируют 11 сельхозпредприятий молочной специализации, в семи из них руководители — представители лесного бизнеса, еще один предприниматель из лесной сферы руководит предприятием свиноводческой специализации.

Почему деревообработчики соглашались руководить сельхозпредприятиями — вопрос непростой. Отчасти мотивацией служила возможность получить лес на льготных условиях, но если бы ими двигал только корыстный интерес, то сельское хозяйство в районе вряд ли бы развивалось. Предприниматели брались за сельское

Рис. 3. **Динамика объема вывоза древесины в Вологодской и некоторых соседних областях, в % к 2000 г.**

Источник данных: сборники «Сельское и лесное хозяйство» за 2010–2016 гг., Росстат

хозяйство с энтузиазмом, вероятно, с тем же, который в начале 2000-х годов позволил превратить кустарную деревообработку в полноценную отрасль сельской промышленности. Один из руководителей СПК, являющийся одновременно и лидером в лесной отрасли, пришел к выводу, что

«*...в сельском хозяйстве не надо быть академиком, надо по уму все делать и относиться ко всему по-хозяйски*» (из интервью с ИП Плешковым).

Когда он стал руководителем СПК в 2012 году, основной показатель продуктивности хозяйства — надои — составляли около 2800 кг молока на 1 корову в год, это чрезвычайно мало. За четыре года удалось повысить продуктивность до 4400 кг, а при надоях в 4000 кг хозяйство становится рентабельным, в том числе благодаря региональным субсидиям на молоко. Изначально ему пришлось вкладывать средства из лесного бизнеса в сельское хозяйство, постепенно аграрное производство стало прибыльным, и при необходимости, наоборот, средства на развитие деревообработки стало возможно занимать у сельскохозяйственного предприятия.

Тарногский маслозавод: социализм в рыночных условиях

Сельское хозяйство района поддерживает не только деревообработка. Не меньшую роль в его сохранении и развитии сыграл местный молокозавод. Он был построен в 1935 году и до конца 1980-х специализировался исключительно на производстве сливочного масла, которое самолетом (в силу отсутствия иных путей сообщения) доставлялось на маслосыробазу в Вологду. После постройки автомобильной дороги Вологда — Великий Устюг с ответвлением на Тарногский Городок завод изменил профиль деятельности, он

стал лишь принимать у предприятий молоко, которое позже отвозили на переработку на другие заводы в области. К концу 1990-х завод все-таки наладил переработку молока, возобновилось производство масла и началось производство цельномолочной продукции. В 2000-е годы завод чудом удержался на плаву, его неоднократно пытались выкупить, медленно проводилась модернизация, осваивались новые виды продукции, и если в 2000-х годах основной задачей было удержаться, то после 2010 года встал вопрос о развитии производства. После смены руководства (на место «консервативного», по словам главы района, директора пришел главный бухгалтер) больше внимания стало уделяться рынкам сбыта. Сейчас продукция Тарногского маслозавода встречается во многих районах Вологодской области, часть поступает в Архангельскую. Отдел маркетинга продолжает работу, но сталкивается с новыми трудностями.

Завод функционирует в тесной связи с сельскохозяйственными предприятиями. Существование в разреженном социально-экономическом пространстве востока Вологодской области само по себе вынуждает к тесному сотрудничеству между заводом и его сырьевой базой. Но в аналогичных условиях живут и другие районы области и соседних регионов, нередко молокозаводы выставляют низкие закупочные цены, понимая безальтернативность производителей, что приводит к банкротству и сельхозпредприятий, и переработчика молока. Позиция директора Тарногского завода проста: надо обеспечить высокую закупочную цену молока, чтобы у сельскохозяйственных предприятий были средства на развитие, в этом случае завод всегда будет при сырье. Также завод кредитует сельхозпредприятия, даже самые маленькие. Высокая закупочная цена (22 рубля летом 2016 года, в других регионах цена колебалась от 15 до 20 рублей, лишь пристоличные заводы принимали молоко по более высоким ценам) держится за счет твердой позиции руководства предприятия и сравнительно высокой отпускной цены на молочную продукцию. Тарногское масло продается на развес по цене не менее 400 рублей за 1 кг — это недешево. Но завод не делает никаких уступок ни местному райпо, ни торговым сетям, ни другим контрагентам.

«*За нами наши колхозы, ведь в сельском хозяйстве такая тяжелая работа, им надо развиваться — мы их за собой тащим*» (из интервью с директором Тарногского маслозавода).

В некоторых случаях такая позиция препятствует расширению рынков сбыта. Так, от закупок масла отказались представители Троице-Сергиевой лавры, поскольку завод не пошел на уступки, не прельстившись даже возможным имиджем поставщика главного духовного центра страны.

Подобная позиция тем не менее не мешает развитию завода. Продукция пользуется высоким спросом на местном рынке, ее не вытеснили даже более дешевые продукты в федеральных торговых сетях. Местное население отдает ей предпочтение (видимо, поэтому отказ от сотрудничества с очередным ритейлером не на-

пугал маркетинговый отдел). Завод продолжает проводить модернизацию, устанавливаются новые линии, осваиваются новые виды продукции. Растут объемы производства, помимо молока с местных сельхозпредприятий молоко принимают даже из Архангельской области (рис. 4). Такой динамики от небольшого маслозавода с периферийным положением было трудно ожидать.

Социальный капитал глубинки?

Казалось бы, развитие лесного бизнеса, грамотное руководство сельхозпредприятиями и поддержка со стороны маслозавода может обеспечить стабильное существование экономической базы района. Но система сформировалась не сама по себе, а во многом благодаря личным качествам жителей района. Почему именно в Тарногском районе зародился стихийный «лесной» капитализм, который привел не столько к оттоку разбогатевших лесопромышленников, сколько к постепенной эволюции от домашних пилорам к полноценной отрасли сельской промышленности, встроенной в сложную конкурентную среду рынка? Почему удержалось сельское хозяйство? Кто сохранил молокозавод и настаивал на приоритете местного рынка и поддержке своих предприятий? Очевидно, что без личной заинтересованности, авантюризма и каких-то иных качеств местных жителей ничего бы не вышло.

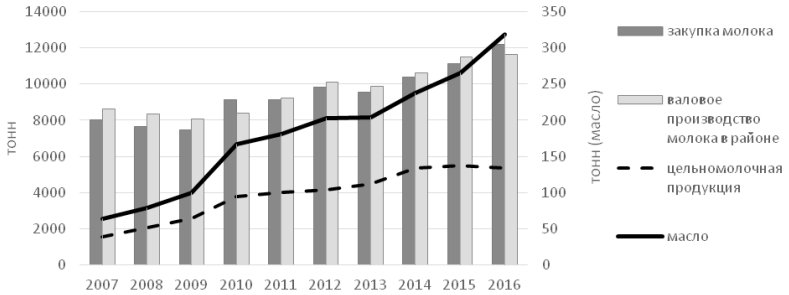
Обобщая проведенные глубинные и экспертные интервью, а также материалы блога «Восток Вологодчины. Необычная глубинка» можно выделить несколько черт тарножан, которые позволили сформировать жизнеспособную и в некотором роде саморазвивающуюся систему. Это:

1. стремление к развитию, самообразованию, интерес в освоении новых технологий, продуктов;
2. «разумная ксенофобия»: недоверие к внешним инициативам, проектам, инвесторам;
3. поддержка местных традиций и самобытной культуры.

Буквально каждый респондент имеет свой опыт получения образования (как правило, высшего или профессионального) за пределами района, затем — возвращения в Тарногу и работы, не обязательно по профилю, но часто связанной с получением новых непрофильных навыков. Так, сотрудники администрации могут одновременно вести небольшой бизнес в сфере деревообработки, совмещают свою работу с эффективным подсобным хозяйством, не столько для экономии, сколько для уверенности в качестве продовольствия. Ставшие руководителями сельскохозяйственных предприятий представители лесного бизнеса изучают технологии ведения сельского хозяйства, совершенствуют их.

Многие жители постоянно пробуют новые виды деятельности. На момент проведения исследования была «мода» на разведение

Рис. 4. **Динамика закупки и производства молока и цельномолочной продукции на Тарногском маслозаводе, 2007–2016 гг.**

Источник данных: администрация Тарногского района

домашней птицы. В ЛПХ появились индейки, цесарки, перепела, если куры — то породистые, или бройлеры, или несушки. К разведению птицы подходят с интересом, покупают домашние инкубаторы, в интернете изучают специфику разведения тех или иных пород, обмениваются опытом. Одновременно сохраняются и традиционные виды ЛПХ и домашнего хозяйства.

Тарногский Городок на карте брендов Вологодской области (Атлас Вологодской области, 2007) — «столица меда», место проведения медовой ярмарки и тематического фестиваля. Многие тарножане производят мед, торгуют сами, используя свои связи.

«*Вот у моего дяди около 100 ульев, ежегодно он производит около 5 тонн меда — и все разбирают!*» (из интервью с начальником отдела сельского хозяйства Тарногского района).

Попытки наладить организованные закупки меда (по инициативе районной администрации) не вызвали одобрения у населения, поскольку многие засомневались, будет ли это выгодно.

«*Тут наши куркули и поприжались*» (из интервью с заместителем главы района).

А вот инициатива проведения сельскохозяйственных ярмарок была воспринята с воодушевлением. Ежегодно проходят 10 сельскохозяйственных ярмарок, некоторые стали специально расширять ЛПХ, чтобы больше продать на ярмарке (мед, пиво, соленые и моченые грибы, домашняя выпечка и заготовки).

Новые технологии, навыки жители района осваивают с удовольствием, но одновременно настороженно смотрят на любых сторонних инвесторов. Показателен пример с отказом от оптовой торговли медом или сюжет с тарногским маслозаводом. Один из вологодских журналистов хотел написать статью о «том самом» вологодском масле и взять интервью у директора Тарногского маслозавода. Интервью давать она отказалась, опасаясь, что излишнее внимание к молокозаводу может его погубить: «*Не надо. Узнают, приедут, все тут скупят, разрушат*» (http://eastofvologda.livejournal.

com/28660.html). С этим связаны и опасения местной администрации по поводу возможного строительства завода по переработке низкосортной древесины: они не могут гарантировать, что местные лесозаготовители будут исправно поставлять сырье в требуемом объеме, возможно, все выберут свои схемы его использования.

В местном блоге опубликована статья на тему культурного своеобразия этой территории (http://eastofvologda.livejournal.com/11236.html). Автор считает, что территориальная изоляция (как общая периферийная по отношению к столицам и крупным центрам, так и отсутствие автомобильной дороги до конца 1980-х годов) сдерживала миграционный отток и размывание человеческого капитала, а отсутствие крепостного права и более тесные социальные связи, базирующиеся и на историческом возрасте поселений, отразились в коллективном укладе сельского труда. Возможно, сказалась и система сельского расселения, когда «кусты» удерживали жителей и способствовали укреплению социальных связей.

Безусловно, и эти территории охвачены всеобщими для российского Нечерноземья процессами депопуляции, далеко не все молодые возвращаются после получения образования, специалистов не хватает. Возможно, после улучшения транспортной доступности все запоздавшие на этой территории миграционные процессы наберут силу, и Тарногский район вместе с соседними Тотемским, Нюксенским и другими быстро потеряют население и самобытность, вовлекаясь в масштабный процесс центробежных миграций (Карачурина, Мкртчян, 2016).

Но не исключен и другой путь. Быстрые темпы роста Москвы и Санкт-Петербурга, а также других крупных центров, привлекающих в том числе население Вологодской области, привели к снижению качества городской среды. Города как таковые уже не манят тарножан, поскольку переезд в город обещает в их случае снижение качества жизни. Для жителей Тарногского района оно во многом определяется доступностью качественного продовольствия (прекрасная молочная продукция по доступным ценам есть даже в самых удаленных сельских магазинах, из недоверия к покупному мясу многие жители предпочитают иметь небольшое нетоварное хозяйство), чистым воздухом, базовым набором инфраструктуры, не на последнем месте стоит культурная составляющая. Недостатка в массовых мероприятиях в районе нет, традиции бережно хранятся, воспроизводятся и возрождаются. Наиболее спорным остается вопрос здравоохранения современного уровня.

Острый кризисный период 1900-х — начала 2000-х годов район неплохо пережил благодаря лесному бизнесу и энтузиазму, который не позволил закрыться сельскохозяйственным предприятиям. Сейчас выезд из района — это не бегство, а осознанное решение.

В Тарногском Городке ведется активное жилищное строительство. Новые дома строятся по программе переселения из ветхого и аварийного жилья (что не ново и встречается во многих районных

центрах), также жителями райцентра и приезжающими из отдаленных «кустов». Такое индивидуальное жилищное строительство ведется не точечно, в селе возникают целые улицы и своеобразные микрорайоны разных лет застройки: 1990-х, 2000-х, 2010-х. Как и в пригородах крупных городов, в окрестностях Тарногского Городка сельскохозяйственные земли переводятся в категорию земель поселения и отводятся под застройку. Дома возводятся и кирпичные, и срубы, и из бруса, строятся жители разного достатка, но всех объединяет одно — желание жить в Тарногском районе.

В удаленных от районного центра сельских «кустах» не ощущается необратимый отток и запустение: деревенский дом сохраняют для летнего отдыха, поддерживают его, некоторые дома покупают в качестве дальних дач москвичи, жители Санкт-Петербурга и других крупных городов, расширяя сложившееся в науке представление о границах дачной экспансии столичных жителей (Между домом и... домом, 2016). Нередко дачники из крупных городов постепенно благоустраивают дома, приспосабливают избы для круглогодичного проживания с расчетом на то, чтобы постепенно перебраться в деревню на постоянное место жительства.

Заключение

Пример Тарногского района показывает, что даже на удаленных и во всех отношениях периферийных территориях возможно не только стремительное сжатие освоенного пространства, но и развитие, формирование нового хозяйственного уклада постсоветского образца. Здесь успешно функционируют 11 сельскохозяйственных предприятий, некоторые из них возникли совсем недавно на территориях, где долгие годы не велось аграрного производства. Зачастую руководят сельхозпредприятиями представители лесного бизнеса, что позволяет получить доступ к бывшим «колхозным лесам». Доходы от лесозаготовки и деревообработки могут поддерживать на плаву сельское хозяйство, а в некоторых случаях доходы от аграрного бизнеса — поддержать лесной. Не последнюю роль в сохранении сельского хозяйства играет местный молокозавод, который стремится поддерживать высокие закупочные цены и готов брать кредиты для сельскохозяйственных предприятий. Такой сельско-лесохозяйственный симбиоз в большей степени характерен именно для Вологодской области в силу местной институциональной специфики. В отличие от соседних областей Нечерноземья, сельскохозяйственные предприятия могут брать леса в долгосрочную аренду на льготных условиях, также сказываются работающие продолжительное время региональные меры поддержки сельского хозяйства.

Сочетание длительного времени освоения, «кустового» типа сельского расселения и транспортной изоляции привели к сохра-

нению тесных социальных связей и культуры ведения хозяйства, в первую очередь лесного и сельского. Формирование полноценной отрасли сельской промышленности — глубокой и разнообразной деревообработки — стало возможно в Тарногском районе во многом благодаря личным качествам самих жителей, которые при некоторой консервативности и патриархальности с интересом осваивают новые технологии и обмениваются опытом друг с другом. Эти же качества позволили представителям лесного бизнеса стать успешными руководителями сельскохозяйственных предприятий, провести модернизацию аграрного производства.

Наличие относительно прочной экономической базы и рабочих мест сдерживает отток сельского населения. Рассмотренный в статье Тарногский район, безусловно, испытывает процессы депопуляции, но не столь быстрой, как в других районах Вологодской области и в Нечерноземье в целом. Результаты полевых исследований показывают, что многие жители уже не планируют оставлять свои дома. Здесь происходит территориальное перераспределение: жители периферийных сельских кустов приобретают (а чаще — строят) жилье в районном центре и ближайших окрестностях, оставляя старый дом для сезонного проживания. Тарногский Городок расширяется за счет полноценных улиц и целых «слобод».

Библиография

Аверкиева К.В. (2011). Староосвоенная периферия — доживает или живет? // География. Методический журнал для учителей географии, экологии и природоведения. № 17 (936). С. 8-13.

Анищенко А.Н. (2016). Государственная поддержка молочного скотоводства Вологодской области в современных условиях хозяйствования // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. № 1. С. 55-58.

Анищенко А.Н. (2007). Оценка функционирования сельского хозяйства Вологодской области // Вопросы территориального развития. № 9 (29). С. 1-14

Атлас Вологодской области (2007). Санкт-Петербург: ФГУП «Аэрогеодезия»; Череповец: ООО «Порт-Апрель».

Баринов С.Л. (2007). Социально-экономическая периферийность в староосвоенных регионах Центра и Северо-Запада России // Региональные исследования № 3 (13). С. 26-32.

В чем причины культурного своеобразия восточных районов Вологодской области? http://eastofvologda.livejournal.com/11236.html

Витов М.В. (1995). Гнездовой тип расселения Европейского Севера и его происхождение // Советская этнография. № 2. С. 27-40.

Вологодчина — родина молока http://eastofvologda.livejournal.com/28660.html

Галин Р. (2015). Расселение сельского населения как фактор развития сельского хозяйства // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 5 (127). С. 28-33.

Ахромеев Л.М. (ред.) (2017). Географические проблемы сбалансированного развития староосвоенных регионов. Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции (Брянск, 20 декабря 2016 г.). Брянск: Изд-во «Курсив».

Зубаревич Н.В. (2014). Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. № 4 (478). С. 6-27.

Каганский В.Л. (2012). Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 23-34.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 46-59.

Ковалев С.А. (2003). Сельское расселение (географическое исследование) // Избранные труды. Смоленск: Ойкумена. С. 121-169.

Колесников П.А. (1993). Начальный период заселения лесной полосы России // Сельское расселение на Европейской России. Вологда. С. 10-22.

Колесников П.А. (1976). Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда.

Кузьминов И.Ф. (2010а). Результаты государственных инициатив по реформированию российского лесного законодательства 2006–2009 гг. // Устойчивое лесопользование. № 3. С. 28-33.

Кузьминов И.Ф. (2010б). Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере Европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 31-43.

Куница М.Н. (2017). Депопуляция как индикатор социально-демографических проблем развития староосвоенного региона центра России // Географические проблемы сбалансированного развития староосвоенных регионов. Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции / Под ред. Л.М. Ахромеева. С. 125-129.

Куница М.Н. (2012). Цикличность развития сети поселений в староосвоенных регионах // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 65-71.

Максимова А.С. (2016). Особенности демографической ситуации в староосвоенных регионах нечерноземной зоны России // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 6 (140). С. 72-81.

Манаков А.Г. (2015). Использование метода временных срезов в исторической географии населения // Региональные исследования. № 1 (47). С. 126-136.

Манаков А.Г. (2014). Методика историко-географического районирования староосвоенных территорий на микроуровне (на примере Псковской области) // Псковский регионологический журнал. № 19. С. 83-96.

Между домом и… домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.Г. Махровой, К.В. Аверкиевой. М.: Новый хронограф.

Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. (2006). Миграционная ситуация в староосвоенных регионах России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 4. С. 535-559.

Нефедова Т.Г. (2004). Каргопольский район: прошлое, настоящее и будущее Русского Севера // Отечественные записки. № 4 (19). http://www.strana-oz.ru/2004/4/kargopolskiy-rayon-proshloe-nastoyashchee-i-budushchee-russkogo-severa (дата обращения 6.09.2017).

Нефедова Т.Г. (2012). Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Серия географическая. № 3. С. 7-23.

Панов М.М. (2015). Внутрирегиональная типология сельских территорий (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. Вып. 2 (76). С. 159-173.

Солдатова Н.В. (2010). Динамика расселения Вологодской области во второй половине XX — начале XXI века. Вологда: ВГПУ.

Чекавинский А.Н. (2015). Резервы роста молочного скотоводства в Вологодской области в контексте решения стратегических задач государства по освоению Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (40). С. 139-150.

Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region

Kseniya Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119017, Staromonetny Per., 29. E-mail: xsenics@yandex.ru.

The article considers the social-economic structure of the Tarnogsky district of the Vologda Region, which has a peripheral position in both European Russia and the region. Its specific features such as the low rate of population decline and the growth of the local economy that is not high compared to other Non-Black Earth regions do not correspond to the centre-periphery logic of the well-developed space adopted in social and economic sciences. There is a highly developed timber industry including manufacture of a wide range of complex products; eleven agricultural enterprises and creamery that increase production annually, which is a rarity in the peripheral Non-Black Earth region. Such success of the Tarnogsky district is determined by both reasonable regional policies in forestry and agriculture and by personal qualities of the residents, i.e. the social capital. The author argues that the long-term territorial isolation combined with a long history of economic development played an important role in the current situation. Perhaps, the development of stable and close social ties was influenced by the 'cluster' (or "nesting") type of rural settlement, in which "bushes" of 10-15 villages are located in walking distance from each other and separated by forest areas.

Key words: rural area, periphery, early-developed territory, agriculture, forestry, social capital

References

Averkieva K.V. (2011) Staroosvoennaja periferija — dozhivaet ili zhivet? [The early-developed periphery — survives or lives?]. *Geografija. Metodicheskij zhurnal dlya uchitelej geografii, ekologii i prirodovedenija,* no 17, pp. 8-13.

Anischenko A.N. (2016) Gosudarstvennaja podderzhka molochnogo skotovodstva Vologodskoj oblasti v sovremennyh uslovijah hozjajstvovanija [The state support of dairy cattle breeding in the Vologda Region in the contemporary conditions]. *Zakonomernosti razvitija regionalnyh agroprodovolstvennyh system,* no 1, pp. 55-58.

Anischenko *A.N.* (2007) Otsenka funktsionirovanija selskogo hozjajstva Vologodskoj oblasti [Assessment of the functioning of agriculture of the Vologda Region]. *Voprosy territorialnogo razvitija,* no 9, pp. 1-14.

Atlas Vologodskoj oblasti [Atlas of the Vologda Region] (2007). Saint-Peterburg. FGUP «Aerogeodezija»; Cherepovets. OOO "Port-Aprel".

Barinov S.L. (2007) Socialno-ekonomicheskaja periferijnost v staroosvoennyh regionah Centra i Severo-Zapada Rossii [The social-economic periphery of the early-developed regions of Central and Northwestern Russia]. *Regionalnye issledovanija,* no 3, pp. 26-32.

V chiom prichiny kulturnogo svoeobrazija vostochnyh rajonov Vologodskoj oblasti? [What are the causes of specific cultural features of the eastern districts of the Vologda Region?] http://eastofvologda.livejournal.com/11236.html (Accessed on 06.09.2017)

Vitov M.V. (1995) Gnezdovoj tip rasselenija Evropejskogo Severa i ego proiskhozhdenie [The cluster type of settlement in the European North and its origins]. *Sovetskaja etnografija,* no 2, pp.27-40.

Vologodchina — rodina moloka [The Vologda Region — the birthplace of milk] http://eastofvologda.livejournal.com/28660.html (Accessed on 06.09.2017)

Galin R. (2015) Rasselenie selskogo naselenija kak faktor razvitija selskogo hozjajstva [The settlement patterns of rural population as a factor of agricultural development]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal,* no 5, pp. 28-33.

Akhromeev L.M. (Ed.) (2017) Geograficheskie problemy sbalansirovannogo razvitija staroosvoennyh regionov [Geographical challenges of the balanced development of the early-developed regions]. *Materialy IV Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii* (20.12.2016). Bryansk: Izd-vo "Kursiv".

Zubarevich N.V. (2014) Regionalnoe razvitie i regionalnaja politika v Rossii [Regional development and regional policy in Russia]. *EKO,* no 4, pp. 6-27.

Kagansky V.L. (2012) Vnutrennjaja periferija — novaja rastuschaja zona kulturnogo landshafta Rossii [Internal periphery as a new developing area of the Russian cultural landscape]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja,* no 6, pp. 23-34.

Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2016) Rol migratsii v usilenii kontrastov rasselenija na municipalnom urovne v Rossii [The role of migration in enhancing settlement contrasts at the municipal level in Russia]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja,* no 5, pp. 46-59.

Kovalev S.A. (2003) Selskoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie) [Rural settlement (a geographical study)]. *Izbrannye trudy*. Smolensk: Ojkumena, pp. 121-169.

Kolesnikov P.A. (1993) Nachalny period zaselenija lesnoj polosy Rossii [The first stage of the colonization of the Russian forest zone]. *Selskoe rasselenie na Evropejskoj Rossii*. Vologda, pp. 10-22.

Kolesnikov P.A. (1976) *Severnaja derevnja v XV — pervoj polovine XIX veka* [North Village in the XV — first half of XIX Century]. Vologda.

Kuzminov I.F. (2010a) Rezultaty gosudarstvennyh initsiativ po reformirovaniju rossijskogo lesnogo zakonodatelstva v 2006-2009 [The outcomes of the state initiatives in reforming the Russian forest law in 2006-2009]. *Ustojchivoe lesopolzovanie,* no 3, pp. 28-33.

Kuzminov I.F. (2010b) Socialno-ekonomicheskie problemy lesopromyshlennogo kompleksa na severe Evropejskoj Rossii (na primere Kostromskoj oblasti) [Social-economic problems of the timber industry in the north of European Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 5, pp. 31-43.

Kunitsa M.N. (2017) Depopuljatsija kak indikator socialno-demograficheskih problem razvitija staroosvoennogo regiona tsentra Rossii [Depopulation as an indicator of social-demographic problems of an early-developed region of Central Russia]. *Geograficheskie problemy sbalansirovannogo razvitija staroosvoennyh regionov. Materialy IV Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii /* red. L.M. Ahromeeva. Pp. 125-129.

Kunitsa M.N. (2012) Tsiklichnost razvitija seti poselenij v staroosvoennyh regionah [Cyclical development of settlements network in the early-developed regions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija,* no 2, pp. 65-71.

Maksimova A.S. (2016) Osobennosti demograficheskoj situatsii v staroosvoennyh regionah nechernozjomnoj zony Rossii [Demographic situation in the early-developed regions of the Russian Non-Black Earth]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta,* no 6, pp. 72-81.

Manakov A.G. (2015) Ispolzovanie metoda vremennyh srezov v istoricheskoj geografii naselenija [The time slices method in historical geography]. *Regionalnye issledovanija,* no 1, pp. 126-136.

Manakov A.G. (2014) Metodika istoriko-geograficheskogo rajonirovanija staroosvoennyh territorij na mikrourovne (na primere Pskovskoj oblasti) [Historical-geographical zoning of the early-developed regions at the micro level (on the example of the Pskov Region)]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal,* no 19, pp. 83-96.

Mezhdu domom i… domom. Vozvratnaja prostranstvennaja mobilnost' naselenija Rossii (2016) [Between Home and… Home. The Return Spatial Mobility of the Russian Population] / Pod red. T.G. Nefedovoj, A.G. Makhrovoj, K.V. Averkievoj. Moscow: Novy Khronograf.

Mkrtchyan N.V., Karachurina L.B. (2006) Migratsionnaja situatsija v staroosvoennyh regionah Rossii [Migration situation in the early-developed regions of Russia]. *Nauchnye trudy: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovanija RAN,* no 4, pp. 535-559.

Nefedova T.G. (2004) Kargopolskij rajon: proshloe, nastojashhee i buduschee Russkogo Severa [The Kargopol district: Past, present and future of the Russian North]. *Otechestvennye zapiski*, no 4.

Nefedova T.G. (2012) Osnovnye tendentsii izmenenija socialno-ekonomicheskogo prostranstva selskoj Rossii [Key changes in the social-economic space of rural Russia]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 3, pp. 7-23.

Panov M.M. (2015) Vnutriregionalnaja tipologija selskih territorij (na primere Vologodskoj oblasti) [Interregional typology of rural territories (on the example of the Vologda Region)]. *Problemy razvitija territorii*, no 2, pp. 159-173.

Soldatova N.V. (2010) *Dinamika rasselenija Vologodskoj oblasti vo vtoroj polovine XX — nachale XXI veka* [Dynamics of Settlement in the Vologda Region in the Second Half of the XX — early XXI Century]. Vologda: VGPU.

Chekavinsky A.N. (2015) Rezervy rosta molochnogo skotovodstva v Vologodskoj oblasti v kontekste reshenija strategicheskih zadach gosudarstva po osvoeniju Arktiki [The growth reserves of dairy cattle breeding in the Vologda Region in the context of the strategic state goals in the Arctic]. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz,* no 4, pp. 139-150.